

© 2013 г.

Григорий Дегтярев

доктор экономических наук, кандидат философских наук
зам. руководителя Департамента Фонда социального страхования
Российской Федерации
(e-mail: dgp48@yandex.ru)

О ПРИНЦИПАХ И ПРАКТИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

В статье дается анализ влияния повседневных правовых отношений (реальных практик) на формирование правосознания, влияния сложившегося правосознания различных субъектов (акторов) на законотворчество и применение закона. Исследуется тонкая грань, лежащая между формальным принуждением к исполнению закона (буква закона) и освоением духа закона. На основе российского и мирового опыта показаны трудности рационализации и социализации правовых отношений. Успех социализации достигается лишь при вовлечении субъектов в процесс реформирования и при обеспечении материальных условий достойного существования человека. Длительный процесс рационализации законодательства привел к принятию соответствующих норм. В частности, Европейская социальная хартия определяет и измеряет право пожилых людей на достойную жизнь. Европейская социальная хартия ратифицирована Российской Федерацией.

Ключевые слова: правосознание, буква и дух закона, достойная жизнь, Европейская социальная хартия, международные стандарты, пожилые люди.

Вторая половина XX и начало XXI веков стали периодом интенсивного осмысления новых объективных требований развития социальной организации человеческого общества, периодом поиска путей решения усложняющихся социальных проблем, накопления опыта преодоления противоречий и определенной гармонизации отношений человека, общества и государства.

Важным аспектом этой проблематики является расхождение формально-правовых норм и реальных практик. По определению Т. Заславской, «Под *формальными институтами* понимается «законодательно-правовой каркас, составляющий основу общественных институтов, а под реальными практиками – действительные формы и способы функционирования этих институтов»¹. Для правильного

¹ Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик// Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. Международный семинар 18-19 января 2002 г. М., 2002, – С. 12.

представления об отношениях в обществе необходимо знать, «как совокупность многообразных массовых практик, формирующих реальную жизнь российского общества, соотносится с формально установленными и предположительно действующими законами и нормами»¹.

Следует констатировать, что в нынешней России это равновесие в сфере социальных отношений нарушено особенно глубоко, и социальные противоречия, еще сохраняя иногда латентную форму, продолжают обостряться.

Обобщим некоторые проблемы, уже привлечшие внимание науки и общественности. Отметим, прежде всего, следующее. Проводятся с большим, а часто с меньшим успехом реформы, создаются новые формальные институты. Но этот процесс находит слабое выражение в реальной жизни населения. Корни и причины «мутаций», деформирования формальных институтов глубоки и обширны. Они просматриваются в *правовом, социокультурном, и институциональном контекстах проводимых реформ*.

Доминирующим актором реформ является и остается иницилирующая и проводящая реформы (либо препятствующая им) бюрократия, но она же выступает общественной силой, порождающей множество противоречий, несоответствий, деформаций. Таковы негативные последствия всемогущества бюрократии, оторвавшейся от общества, решающей общественные проблемы вроде бы во благо народа, но не только без его деятельного участия, но с преимущественной ориентацией на удовлетворение интересов элиты.

Правосознание: формирует или разрушает общество? На протяжении практически всего XX века плеяда выдающихся русских ученых выражала обеспокоенность по поводу *кризиса правосознания* в России, который усугубился в советский период, продолжает усугубляться и в настоящее время.

По мнению русского философа И.А. Ильина, кризисное состояние правосознания характеризуется следующими чертами:

1. Отрицание духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, родины и права как самостоятельных ценностей;
2. Сведение человеческой жизни к материальным процессам, материальным мерилам и материальному благополучию;
3. Неверие в силу личной свободы, инициативы и органического, творческого равновесия личной и общественной жизни;

¹ Там же

4. Вера в силу механической покорности, диктаториального приказа и запрета, в силу вражды, классовой борьбы, революции, всеобщей бедности и всеобщего уравнения.

Такое «правосознание» есть правосознание только по видимости; на самом деле оно просто *отрицает право* как проявление духа и свободы и утверждает диктаториальный, механический произвол. Поэтому оно обозначает собою последнюю, низкую ступень в разложении правосознания. **Дно достигнуто. Кризис развернулся.** (Выделено мною. – Г.Д.). В дальнейшем возможны только два пути: всеобщее крушение права, государственности и духовной культуры или же возрождение, очищение и обновление правосознания»¹.

Однако в повседневной жизни пока усваивается то, что современное правосознание властвующих людей не столько способствует формированию общества и созданию государственно-правовых основ для его нормального функционирования и развития, сколько направлено на вытеснение из жизни общества представлений о демократии, справедливости, равенстве граждан перед законом и т.д. В такой ситуации собственный *правовой и нравственный опыт* человека порождает и закрепляет *формальный взгляд на право*, разрушает представление о законопослушании.

Как и все сферы общественной жизни, социальная политика в значительной степени строится на ущербной законодательной базе. Ситуация усугубляется весьма распространенной субъективной правоприменительной практикой, противоречащей сути права. Все это содействует закреплению предрассудка, что законы есть нечто чисто *формальное и внешнее* и, в конечном счете, необязательны, особенно для элиты.

Может быть, самая острая задача российского общества – добиваться от государства предоставления возможности, создания условий для деятельного участия граждан в созидании лучших законов.

Одной из важнейших форм такого участия является если и не прямое участие в законотворческой деятельности, то «представительство» в ней в той или иной форме, влияние на нее. По мнению профессора Л. Зидентона, опубликовавшего вызвавшую большой резонанс книгу – размышление о будущем Европы, успех представительного правления зависит от «формирования и развития *культуры согласия*. Это культура отказа от недоверия, культура, в которой цинизм по отношению к законотворческому процессу сдерживается верой в правовые нормы, проистекающей из убеждения, что закон можно изменить, если он неадекватно отражает волю народа ... подобную веру в закон рождает практика самоуправления, если

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1993. – С. 223.

только она имеет место на всех уровнях общественной организации, а не представляет собой декорации, воздвигнутые вокруг центрального правительства. Противоположностью является циничный взгляд на закон как игрушку в руках эгоистических элит»¹.

Весь этот комплекс проблем пока не получает решения в российском обществе. Еще предстоит пройти долгий, тернистый путь к тому, чтобы законодатель мог верно творить законы исходя из глубины своего правосознания, чиновники применять, а судьи толковать закон так, как того требует справедливое правосознание. А каждый гражданин – принять закон и включить запреты и дозволения, содержащиеся в законе, в мотивацию своего поведения, в свои действия и поступки и, в конечном итоге, добровольно признать законы обязательными для себя, понимать повиновение им как свободно признанную внутреннюю обязанность. Только такое добровольное признание и соблюдение законов своей родины есть «единственный способ *поддерживать правопорядок* и в то же время *оставаться в нем свободным*»².

История многократно подтверждала, что лучше пользоваться ограниченными правами, чем видеть, как безграничный круг субъективных притязаний вызывает столь же неограниченный произвол. **Лучше всеми чтимая и соблюдаемая малая свобода, чем большая свобода, никем не соблюдаемая и не уважаемая.**

К сожалению, крайне трудно поддается усвоению великий урок всех революций, когда люди не хотят видеть необходимых этапов развития, а желают максимальных преобразований, доходя до отрицания своих естественных гражданских обязанностей. Люди склонны и к самообману, безосновательной вере в демагогию власти. Так дореволюционное и советское общество на шкале свободы-несвободы поменялись местами.

Рядовые граждане писали Ленину "... как обманула нас русская революция, посулив всяческие свободы, а на деле превратив в не смеющих пикнуть рабов ... Для кого же мы [демобилизованные солдаты из крестьян] добились свободы, вот подходит весна, люди собираются сеять, а нам нечего и нечем..."; "...так поступают с рабами, а не со свободными гражданами, какими Вы нас так неудачно сделали. Я сам говорю: будь трижды проклята такая свобода. К великому стыду моему, я мечтаю теперь о той свободе, которой было так мало при Николае"³.

¹ Зидентон Л. Демократия в Европе. М., 2001. – С. 19.

² Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1993. – С. 228.

³ Цит. по Шабанова М. Социология свободы: трансформирующиеся общества/Отв. ред. академик Т.И. Заславская. – М., 2000. – С. 138.

Патриарх Тихон дал следующую характеристику новой свободы: "Великое благо свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода"¹.

В этих суждениях и крестьян, и патриарха обнаруживается великая тайна свободы. Человек призван не к внешнему освобождению от закона посредством революции, а к соблюдению закона, способствующего здоровому, эволюционному развитию, толерантности и согласию в обществе.

Переживаемый духовный кризис в России невозможно преодолеть одними лишь «внешними» и «формальными» реформами. Дело не только в создании новых учреждений, в скороспелом и поспешном принятии законов, а в оздоровлении, обновлении правосознания. **Здоровое правосознание есть не только свободное состояние души, но и творческое состояние. Оно принимает законы не для того, чтобы формально и педантично проводить их в жизнь, превращая правопорядок в мертвую бюрократическую работу, в явно чувствуемую несправедливость. Здоровое правосознание призвано оживлять отвлеченные формулы закона и совершенствовать их, опираясь на чувства права, достоинства и справедливости.**

К сожалению, российские реалии свидетельствуют о том, что государственная власть ориентирована на «внешнее» и «формальное» проведение реформ, оставляя гражданам лишь пассивную возможность остро чувствовать и осознавать несправедливость многих принятых законов, пытаться отстоять свои права, часто безысходно биться в бюрократических сетях.

Здоровое правосознание творит право не только тогда, когда изобретает новые законы, но и когда применяет действующие законы к живым отношениям людей, **извлекая из формулировок то, что в них верно и справедливо.** Здоровый дух должен овладеть буквой закона. Очень важно, чтобы буква закона не подменяла его дух, стремление найти в каждом законе скрытую правду и разбудить заснувшую в нем справедливость. В каждом законе надо уметь найти то, что может одобрить правовая совесть человека и найденное делать руководящим началом.

Международный опыт. В середине XIX века в программе нового английского либерализма указывалось, что для дальнейшего движения вперед необходимо не только устранение законодательных препятствий к развитию свободы, но и предоставление материальной возможности для

¹ Там же.

наилучшего проявления свободы. Каждому должна быть предоставлена возможность человеческого существования, освобождения от условий жизни, физически и нравственно угнетающих человека. Такая забота должна касаться прежде всего тех, кто особенно нуждается в помощи и поддержке. **Право на достойное человеческое существование означает оказание содействия лицам, страдающим от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств.**

Государство призвано оказывать помощь тем, кто не имеет средств наилучшим образом устроить свою жизнь, открыть возможность *уравнять условия жизни*. Это означало новое понимание идеи равенства и свободы.

Сторонники старого либерализма не отрицали, что не все способны выбиться из тяжелых условий, но не считали, что государство должно вмешиваться в жизнь, которая в своем свободном развитии сама находит средства исправлять общественные бедствия, а призыв к поддержке нуждающихся – всего лишь вредный сентиментализм.

Более поздние течения либерализма не относились столь недоброжелательно к этому вопросу, но считалось, что помощь нуждающимся – дело филантропии, а не права. Данный авторитетный в свое время взгляд ставил в качестве своей важнейшей цели только охрану свободы, отделяя от этого потребность в социальных гарантиях, в необходимых для их обеспечения материальных ресурсах.

Традиционное понятие об охране формальной свободы шло вразрез с повсеместной практикой жизни. Развивавшееся фабричное законодательство было, в том числе, проявлением такой заботы, восполнявшей "недостаток средств" в неравном состязании труда с капиталом. Таким образом, **право не должно ограничиваться одной охраной свободы, а обязано регулировать и материальные условия ее осуществления.**

В конце XIX века новая либеральная мысль указывала на то, что наступила пора социальных реформ, которые могли бы обеспечить народу "более широкое распространение физического комфорта и более высокий уровень нравственного развития". Условия Англии открывали широкое поле законодательной деятельности без нарушения традиций английской политики. Затруднения, связанные с проведением социальных реформ, были огромны. Либеральная партия еще крепко держалась за *laissez faire* и упорно отказывалась учиться новому, благородному языку общественного служения.

Предложенные социальные реформы свидетельствовали о разрыве с теорией *laissez-faire* и обозначили поразительную перемену в воззрениях. Главным основанием политики государственного невмешательства

являлась вера в спасительную силу личного почина. Согласно первоначальному учению об индивидуализме достаточно было отменить ограничительные законы, стеснявшие личность, чтобы положить прочные основания для улучшения социальных условий. Более поздняя эволюционная доктрина подкрепила это учение о невмешательстве в естественный ход вещей указанием на "выживание более приспособленных". Согласно этой доктрине облегчать бремя бедности значит безрассудно противодействовать великому прогрессу. Предоставленная самой себе естественная человеческая природа обеспечит прогресс.

Подобные аргументы покоились на следующих предположениях:

- бедные не приспособлены к жизни, неспособны, неблагоприятны, ленивы, слабы;
- суровые социальные условия искореняют тех, кто не приспособлен к жизни;
- только борьба за выживание и существование может избавить общество от всего, что не приспособлено к жизни.

Эти общие соображения были положены в основу долгое время применявшейся политики государственного невмешательства. Однако и политики, и народ убеждались в том, что:

- "свободной игры правильно понятого собственного интереса" недостаточно для достижения прогресса;
- "самостоятельность и инициатива" рабочего класса наталкиваются на препятствия, которые не могут быть преодолены без постороннего содействия,
- на каждом шагу встречаются беспомощность и нищета, плохие условия наемного труда, низкий уровень жизненных потребностей.

Новый либерализм коренным образом изменил прежний подход, сделав вывод, что бедные не обязательно не приспособлены к жизни. Большинство бедных родились в бедности. Чтобы вырваться из нее, нужны исключительные условия. Они могли впасть в бедность не по собственной воле и вине, а по болезни или вследствие кризиса в области, в которой они были заняты, или краха учреждения, в которое они вносили свои сбережения, вследствие других причин. Равнодушное отношение к суровым условиям их существования означает несправедливое обречение их на нужду. **Отсутствие заботы о таких бедных – вернейшее средство для воссоздания новых поколений неприспособленных и слабых.**

Одновременно с утратой веры в исключительную силу личного почина росла уверенность в необходимости и пользе государственного вмешательства в социальные отношения: государство стало более деятельным, законодательство более компетентным. Такое вмешательство не уменьшило благосостояния и не привело к ослаблению личной

энергии. Укрепилось убеждение в том, что законодательные ограничения, устанавливаемые проводимой социальной политикой, скорее увеличивают, чем ограничивают свободу, часто ликвидируют больше стеснений, чем создают их.

Лозунгом социального законодательства стало **государственное содействие, а не государственное вмешательство**. Однако, призывая государство к такому содействию, новый либерализм полагал и особенно подчеркивал, что это только содействие. Главными остаются творческий фактор и личный труд, неослабная личная энергия людей, проявляемая в труде, в собственном развитии и в том влиянии, которое они оказывают на жизнь других.

Но где проходят границы государственного вмешательства? У практиков нового либерализма этот вопрос не был острым, хотя и не утратил важности. Не было необходимости искать некую единую формулу, которая охватывала бы все случаи незаконного вмешательства государства, но осознавалось, что есть известные пределы такого вмешательства.

Так, промышленное и торговое законодательство могут не посягать ни на свободу, ни на личную энергию граждан. Умеренные реформы могут способствовать экономическому росту и содействовать процветанию страны. **Но радикальная социальная окраска реформ может подорвать торговый кредит, остановить прилив капиталов и погубить это процветание.**

Новые либералы считали более правильным не связывать себя отвлеченными формулами, а идти опытным путем, извлекая указания из практики жизни и опираясь на твердый принцип свободы и личной энергии граждан. Английский либерализм, сохраняя неприкосновенность данного основного принципа своей программы, не боялся упреков в близости к социализму. Главное отличие *либералов от социалистов заключалось в осторожности и согласованном, основанном на жизненном опыте, поиске приемлемых решений.*

Социализм в России сразу национализировал все отрасли хозяйства. Тогда как либералы, прежде чем принять план национализации, должны быть уверены в том, что обещаемое лучшее распределение богатства не будет парализовано снижением производства: **большой национальный доход, хотя неравномерно и даже несправедливо распределенный, может быть выгоднее для всех классов общества, чем малый национальный доход, распределенный между ними с величайшей справедливостью.**

Новый английский либерализм отошел от индивидуалистической доктрины *laissez-faire*, заявляя, что "долг государства обеспечить всем своим членам и всем другим, на которых распространяется его влияние,

полнейшую возможность вести наилучшую жизнь", или "что государство существует для того, чтобы облегчить людям возможность хорошо жить". Эти слова передавали его credo.

Социальные реформы, проводимые в соответствии с принципом равенства в его новом понимании, привели к пересмотру идеала свободы раннего индивидуализма. Та свобода, в которую верили Смит и Бентам, не обеспечивала равенства: это была свобода для немногих, а не для всех. **Необходимо обеспечить не только равенство всех перед законом, но и равенство возможностей или равенство исходного пункта. В новой формулировке было найдено удачное разрешение старой задачи, не только расширившее понятие равенства за пределы формального равноправия, но и сохранившее связь с принципом свободы.**

Для теоретиков старого индивидуализма казалось неизбежным, что подобное расширение непременно приведет к принудительному уравниванию всех, которое будет сопровождаться полным подавлением свободы. Между тем равенство возможностей не только не исключает свободы, но, напротив, предполагает ее: *свободно развивающиеся уравниваются только в начальных условиях своего развития, которые зависят от общих и внешних условий социально-экономической жизни.* Все дальнейшее предоставляется их свободе. Равенство исходного пункта не предполагало уравнивания личных средств, сохранение и приумножение которых предоставляется свободной инициативе каждого. Речь шла только об упорядочении и увеличении средств, направляемых на социальные нужды, и на которые каждый нуждающийся, наравне с другими, мог бы рассчитывать. Такое истолкование равенства возможностей есть лишь более общее и объемлющее понятие того формального равенства, которое ранее признавалось единственной целью правового государства, когда представлялось, что только уничтожение социальных различий создаст равную возможность для каждого развивать свои силы наряду со всеми другими. Опыт XIX и начала XX веков обнаружил ошибочность этого ожидания. Поэтому естественно было выдвинуть новое понятие равенства.

Новый либерализм, устанавливая равенство возможностей, шел навстречу потребности свободного человека изменять условия жизни в соответствии со своими идеалами справедливости и прогресса. Речь идет не об уравнивании имуществ и не о наделении всех одинаковыми личными средствами, а только о создании для всех условий, благоприятствующих развитию человека. Прежде всего, имеется в виду обеспечение для всех получения известного образования, создание условий здоровой жизни (здравоохранение) и некоторого имущественного достатка (социальное обеспечение и социальное страхование).

Лозунг о лучшей человеческой жизни открывает простор для неограниченных требований и предположений. Но в политике этот лозунг ограничивается конечным определением совокупности необходимых условий для достойного человеческого существования.

В каждом обществе складывается свой уровень и качество жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. Важным было политическое признание существования назревших социальных проблем, которое позволило преодолеть социальную индифферентность и призвать государство к активному их разрешению.

Новый либерализм стремился развить принцип равенства, уравнивая социальные условия жизни, что открывало перед государством такую сферу деятельности, которая по своим размерам и возможным последствиям резко отличалась от сложившейся политической практики. Задача уравнивания в правах, которую ставила Французская революция, крайне проста по сравнению с программой социальных реформ.

Ранее перед правовым государством стояла простая и ясная задача: то равенство и та свобода, которые представлялись основами справедливой жизни, были чисто формальными началами, которые нетрудно было осуществить. Но перед правовым государством, призванным наполнить эти начала новым позитивным содержанием, стоит существенно отличающаяся и гораздо более сложная задача. Социальные реформы могут осуществляться поэтапно и постепенно, а не немедленно и в полном объеме. Они, вообще говоря, необозримы в своем развитии и усложнении.

В Англии переход в эту новую стадию развития произошел без торжественных заявлений и новых деклараций, бесшумно и неслышно, в порядке исполнения очередных текущих и рутинных дел. Для современников эта знаменательная перемена прошла почти незаметно, так как коснулась лишь функций, а не органов государства и не сопровождалась видимой ломкой политического механизма. **Но огромное значение имела ломка сложившихся принципов.** Либералы не стремились подчеркивать ее значения, не занимались громогласным обещанием скорых перемен и близкого счастья. Напротив, они мужественно указывали на трудность и продолжительность предстоящего пути. Полагая, что государство может многое сделать, либералы были далеки от мысли считать, что государство может сделать все. Государство способно обеспечивать прогресс в

большей степени, чем полагали прежде, но силы его не безграничны. Из стоящих социальных проблем одни слишком сложны для их немедленного разрешения законодательным путем, другие тонки и неуловимы, а третьи в значительной степени зависят от нравственных причин. Помимо крайней сложности есть и еще одна сторона социальных реформ, побуждающая практических политиков быть осмотрительными в их осуществлении. **Это – опасность перейти границы, за которыми вместо ожидаемой пользы может случиться вред.**

Основными источниками национальных средств, с помощью которых только и можно осуществить социальные реформы, по-прежнему признаются *личная энергия и капитал*. Паралич того или другого ведет к уменьшению национального дохода, а значит и тех средств, которые необходимы для создания и поддержания лучших условий общественной жизни. **Крупные социальные реформы возможны лишь только в связи с накоплением народного богатства, без прогрессивного роста которого не могут успешно развиваться социальные улучшения.**

Новый английский либерализм с полным осознанием величайших трудностей отнесся к открывавшемуся пути социальных реформ, на котором слишком много сложностей, тонкого и неуловимого, слишком много зависящего от *нравственных причин*. Только в осторожном и вдумчивом отношении был залог успеха, преодоления и успешного продвижения по пути социальных реформ. *Для этого недостаточно политических и законодательных средств. Необходимо вовлечение и других, прежде всего нравственных, сил, содействующих социальному прогрессу.* А в качестве практического пути, подготавливающего лучшее будущее, политические деятели указывали на *воспитание*.

Идея воспитания стала руководящей мыслью английского либерализма. Если сначала идея широкой государственной постановки образования встречала возражения, поскольку считалось, что повиновение законам лучше достигается при невежестве народа, то затем, напротив, распространение знания стало считаться основой государственного благосостояния, а невежество – величайшей опасностью для страны. **Государственная политика должна быть воспитательной в широком смысле.**

В континентальной Европе, прежде всего в Германии, идеи индивидуального либерализма отступали перед растущими успехами государственного социализма. Между тем в политике Франции в конце

XIX века начался поворот, аналогичный состоявшемуся в Англии. Крушение старого либерализма означало, что поставлены новые требования. Политические партии постепенно отрекались от принципа государственного невмешательства. Французская революция, провозгласив *политическую и гражданскую свободу или равенство всех перед законом*, уничтожила самые ненавистные и самые очевидные формы *феодалной и монархической несправедливости и тирании*. Старый либерализм полагал, что тем самым для всех обеспечена целостная и неприкосновенная свобода, которая может быть реализована сразу. Ошибка заключалась в излишне оптимистическом ожидании неизбежности достижения свободы и равенства всех, несмотря на происходящую жизненную борьбу.

Наступило время, когда стало ясно, что предложенная старой доктриной индивидуализма конкуренция между равными индивидами оказалась мифом. Индивидуализм в старом смысле есть *"царство сильных, блеск свободы сильных"*. Под «благожелательными взорами государства каждый берет свою часть, толкает, давит, захватывает, что может». Тогда как согласно требованиям нового либерализма государство не должно оставаться нейтральным: *"оно должно вмешиваться в общественные отношения и регламентировать известные категории действий, которые ранее предоставлялись индивидуальному произволу"*. С точки зрения нового либерализма правовое государство не «состояние, в котором сильные делают, что хотят в меру своей силы, это – состояние *справедливости, в котором общество сдерживает свободу некоторых для того, чтобы охранить свободу всех*"¹.

Проблема заключается в том, измеряется ли «степень свободы в данном обществе максимумом прав, теоретически предоставленных отдельным лицам, хотя бы на деле этими правами могло пользоваться меньшинство привилегированных, или же эта степень измеряется наибольшей суммой прав и действительных возможностей, в равной мере гарантированной для всех». От чисто внешнего и фарисейского понимания свободы и равенства совершился переход к пониманию «более полному и глубокому: к идее целостной реализации человеческой личности»².

¹ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. – С. 230.

² Там же.

Представители нового либерализма осознавали те огромные трудности и затруднения, которые вызовет реализация нового понимания свободы. Если старый либерализм, отстаивал свободу против государства, вмешательству которого в жизнь не доверял, то для осуществления нового идеала свободы требовалось государственное содействие, **формирование доверия к государству**.

Во Франции проявилась определенная крайность в развитии нового либерализма. Некоторые его сторонники полагали, что в новой ситуации прежняя, индивидуальная свобода без сдержек и границ могла бы сделать невозможной общественную жизнь: там, где торжествует интеллектуальный индивидуализм, там начинается вавилонское столпотворение. Борьба за единство культуры осложняла развитие идей нового либерализма и приводила к отрицанию индивидуальной свободы во имя равенства и единства. Однако такое единое равенство не столько соединяет индивидуальную свободу с политической, сколько сливает их воедино и ведет к опасности: «там, где перед лицом центральной власти не встречается ничего более кроме людской пыли, свободен путь к деспотизму»¹.

Моральное единение лиц в обществе не только требование государственного единства, но и условия духовного и культурного развития нации. Но **неукротимое стремление государства к моральному единству и концентрации** ведет к тому, что, **в конце концов, личность приносится в жертву отвлеченному идеалу. А достижение всеобщего единодушия под властью такого государства является химерой.** Государство не властно уничтожить стремления личности к индивидуальному развитию, которое выражает неистребимую потребность человеческой души. Государство встречает непреодолимую преграду и сталкивается со значительными затруднениями, если при проведении своей политики не считается с привычными взглядами и сложившимися убеждениями, которые проявляются в совокупности качеств и свойств, составляющих духовный облик человека конкретной эпохи.

Опыт XIX и XX веков вынудил отступить от веры в исключительную и всемогущую роль государства в деле нравственного прогресса к более скромному воззрению. Низвергнутое с прежней высоты государство сохранило практическую ценность необходимой и целесообразной организации, оказывающей обществу незаменимые услуги. **Необходимо не непосредственное государственное созидание будущего, а создание**

¹ Там же, с. 238.

жизненных условий для человека, который и создаст это будущее. Человека следует принять таким, как он есть, с его жестокостью и добротой, с эгоизмом и альтруизмом, с его личными страданиями, и страданиями, причиняемыми им другим, со всеми его слабостями и противоречиями, осязая бредущего к неизвестному лучшему. Но для этого требуется осмысленная и практичная концепция создания общественных условий для разрешения возникающих проблем не прямолинейными, лобовыми, директивными, демагогическими методами. Надо облагораживать человека, действительность, а не обрекать общество на мечтания о лучшем, светлом будущем, которое создает и создаст государство.

По мере проведения социальных реформ постепенно обнаруживались не только успехи, но и значительные затруднения. Сторонники социального прогресса все более ясно осознавали, что одними средствами политики и права этих затруднений не преодолеть: **без прочных нравственных скреп общество обречено на потрясения.**

Всемогущество государства или народного суверенитета требует противовеса в неотчуждаемости личных прав. Но и личные права должны ограничиваться чувством солидарности. Область этого чувства шире, чем область права. Индивидуализм, отвергающий всякое обязывающее начало к совместной жизни членов общества, расчищает путь к полному отрицанию прав индивида со стороны общества. Крушение старого индивидуализма и успех новых теорий был вызван и тем, что сложилось ясное убеждение в том, что только укрепление нравственных основ общества открывает возможности предотвращения осложнений общественной жизни. **Если общество не спяно узами нравственного общения, то возможно установление деспотического режима или обреченной на революцию анархии.** Во избежание революционных потрясений государство должно быть справедливым. Но утверждение справедливости должно быть не насильственным, а предполагать согласие всех на условия общественной жизни.

Согласие, в свою очередь, возможно лишь при опоре на солидарность и общественное воспитание граждан, на гражданскую культуру. Идее солидарности предшествовала идея братства как высшего чувства, ускользающего от вмешательства закона. Идея братства имела оттенок субъективный и интимный. Тогда как солидарность означает осознание объективной связи между людьми. Эта связь вытекает из фактов социальной жизни и велений нравственности. Такое понимание солидарности

подчеркивает, что у личности кроме прав есть и обязанности. К декларации прав следует добавить декларацию обязанностей (личной ответственности). Личность, осознавая свои права, требует свободы и равенства. Но в обществе эти права закрепляются их взаимным признанием в процессе общения. Такое понимание солидарности дает возможность вывести общественные обязанности не из требований, предъявляемых каким-то высшим субъектом – божеством, обществом или государством – а просто из обязанностей лиц в отношении друг к другу. В этом смысле принцип солидарности вытекает из принципа личности и в присущем личности нравственном сознании находит то необходимое обоснование, которое напрасно было бы искать в фактах общественной жизни.

Если старый индивидуализм утверждал только моральную обязанность государства оказывать помощь, предоставлять образование, обеспечивать труд, то новый индивидуализм уже был проникнут идеей солидарности, давая для этих обязанностей и правовое основание. Политическое действие должно быть направлено на обеспечение и развитие права на достойное человеческое существование, основано на признании за указанным правом не только нравственного, но и правового значения. Это – обычный *переход нравственного сознания в сознание правовое*.

Российские реалии. В исследованиях начала XXI века большое внимание уделялось проблемам справедливых и несправедливых социальных неравенств в современной России, являющихся основным источником социальных напряжений в обществе. Так, указывалось, что одним из дефектов государственной социально-экономической политики является то, что не затрагивается «духовный контекст», состояние «социальной рефлексии» населения, что затрудняет прогнозирование социальных перемен¹.

Практически не учитывается влияние нравственного и политического сознания (следует добавить и правосознания) на трансформацию российского общества. К тому же оказались мало изученными многие фундаментальные проблемы «российской трансформации», хотя в политическом и повседневном лексиконе весьма популярными являются понятия

¹ Рывкина Р.В. Методология и методика изучения справедливых и несправедливых неравенств в современной России//Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., Изд-во «референдум», 2003. – С. 33.

«свобода» и «свободный». Свобода, как и равенство должны исходить из представления о личности как абсолютной ценности, имеющей безусловное, нравственное значение. Люди не могут быть свободными, если не равны, как не могут достигнуть равенства, если не свободны. Такое **понимание свободы и равенства возможно лишь при развитом чувстве собственного достоинства и уважительном отношении к достоинству другого.**

К сожалению, в России частые радикальные насильственные ломки и революционные потрясения безжалостно вытаптывали и пропалывали робкие **нравственные ростки достоинства и уважения к другому.** Существование каждого с другим, имеющим иные взгляды и позиции, возможно лишь при терпеливом, терпимом отношении каждого к этому другому, терпимом сосуществовании с «инаковостью», кажущейся чем-то «чуждым и странным». Но эти качества пока не прижились на российской почве.

Западной традиции присущи уважение и открытость в отношении «другого». Тогда как в основе идеологии русской революции 1917 года лежало «доведенное до крайних пределов традиционное российское неуважение к человеческой личности»¹.

Болезнь русского нравственного сознания Н. Бердяев видел «прежде всего, в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести... Это связано с тем, что личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и признана... Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме...»². На этом стержне держалась и держится «и крестьянская община, и русская армейская традиция «не бояться потерь», и казацкая «вольница», и разбойничья ватага, и революционная масса, и муравейник развитого социалистического общества»³.

Вместе с тем, чем больше общество будет проникаться *уважением* к неотъемлемым правам индивида и меньшинства, чем больше об этом будет свидетельствовать повседневная жизнь, чем большее единство и со-

¹ Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. – М., 2002, – С. 267.

² Бердяев Н.А. О русской революции//Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, б.г. – С. 26.

³ Там же.

гласие будет достигаться в обществе, тем меньше будет оставаться «препятствий для самых широких социальных реформ»¹.

Тогда, как "попытки иных социальных реформаторов одним судорожным прыжком сразу поднять общество на гораздо более высокую ступень развития, обыкновенно только разрушают достигнутое ранее скромное добро"². Такие попытки только насаждают социальную архаику.

Складывание культуры согласия в российском обществе, видимо, является весьма отдаленной перспективой. „Мы" и „оно" – вот общая формула отношения к государству. „Оно" властвует, „мы" подчиняемся; „оно" не „мы", „мы" не „оно". Мы резко противопоставляем его себе, ставим в иную плоскость, измеряем разными мерками.

Если то или иное наше непоколебимое убеждение освобождает нас от всяких правовых и нравственных сдержек, то оно освобождает от них не только нас, но и всякого другого. Если, действуя во имя государства, мы свободны от соблюдения нравственных требований, то по тем же основаниям вправе считать себя свободным и он – другой.

Для многих бесспорным считается, что государство как институт в силу своего официального статуса и надобщественных полномочий как бы автоматически служит общественному благу. Однако так ли бесспорно такое убеждение? Ответ на данный вопрос зависит от общих представлений о благе и не благе, о добре и зле, т.е. от наших нравственных убеждений, от тех сил, которые осуществляют государственное управление, от их интересов и степени их зависимости от интересов общества.

В западной традиции сложилась уверенность в том, что «главной властью» является власть коммуникативная, которая в духе законов выражает дух народа. Преимущество такого подхода заключается в более глубоком понимании общественного единства и солидарности, в ориентации на гражданские добродетели людей, поощрение и стимулирование которых и позволяет достигнуть общественного блага.

Идентичность на основе общих традиций и норм составляет важную опору политики. Но идентичность на основе общих традиций может порождать и элементы разобщенности в обществе, поскольку традиции могут препятствовать *включению в общество «других»*. Невозможно оздоровить общество, избавившись сначала от «чужих», а потом и от «своих плохих людей». Общество, нетерпимое к «другому», вынуждено постоян-

¹ Хайек Ф. Познание, конкуренты и свобода. СПб., 1999. – С. 16.

² Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. – С. 225

но воспроизводить «другого» как чужого, так как в данном случае именно чужой выступает условием общественного самоопределения.

Чтобы выжить в состоянии конфликта и достичь согласия, необходимо уравнивать отношения с «другим» на иной, не столько моральной, сколько на политической основе. Пока же российская действительность воспроизводит деление на «своих» и «чужих»¹. Наиболее тревожным хроническим симптомом в таком воспроизведении деления является то, что богатству, по-прежнему, не дается морального оправдания. Те, которые считают себя успешными и «добиваются чего хотят», «не пытаются обосновывать свою стратегию принципами справедливости. Оправдание богатства, как и бедности, строится на дискредитации противоположной группы». «Бедные», по мнению «успешных», сами виноваты в своем положении, потому что они «нюют, но ничего не предпринимают для улучшения», «не мужики», «не воспринимают существующую действительность»².

Демократия участия. По мнению американского политолога Д. Нейсбита, в западном обществе, прежде всего в США, действует «обращенная централизация, система государственного и общественного управления строится не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх. Местная политическая власть не делегируется с федерального уровня на уровень штата, графства или муниципалитета, а, наоборот, происходит от инициатив, предпринятых штатом или муниципалитетом благодаря четкому и безусловному пониманию, что невозможно принятие адекватных решений и действий, проводимых сверху вниз.

Власть, делегируемая сверху, может быть отобрана, если источник власти передумает. Успешные же инициативы, сформированные на местном уровне, остаются. Принятые на местах решения сопротивляются интервенции сверху и становятся образцами для других, сталкивающихся со сходными проблемами.

Провал централизованных, сверху вниз проводимых решений сопровождался резким повышением стихийной, спонтанной политической и гражданской активности. Около 25% населения любой местности в США утверждают, что входят в различные местные группы, которые становятся силой и настаивают на все большем участии в принятии решений. Такие

¹ Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих»// Социологические исследования. М., 2000. – № 6. – С. 14–22.

² Там же, – С. 19.

требования активного участия в выработке политики привели к перестройке многих политических процессов в стране. Можно говорить о мегатренде от представительной демократии к партисипативной демократии. Идеология участия (participation) расширяется, радикально меняет взгляды и образ мыслей. Ведущий принцип «партисипативной демократии состоит в том, что люди должны участвовать в принятии решений, затрагивающих их жизнь»¹.

Неспособность государственных иерархических структур успешно и эффективно решать многие общественные проблемы, побудили людей вступать в диалог, «говорить друг с другом». Так начали складываться и бурно развиваться социальные сети, осуществляющие горизонтальные связи.

Таковы исходные политические условия, которые служат основанием развития и проявления личностных качеств, личной энергии и гражданской позиции. Но достойное существование, достойная жизнь имеет материальное и правовое измерение, отражаемое в соответствующих нормах закона.

О праве на достойную жизнь. Понятие о достойной человеческой жизни открывает простор для бесконечных требований и предположений в силу бесконечности человеческого идеала. *Но когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим подразумевается не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание условий, которые исключают возможность достойной человеческой жизни.* Речь идет о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования, право на достойное человеческое существование, прежде всего, лиц, страдающих от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

Как уже отмечалось «пользование свободой может быть совершенно парализовано из-за недостатка средств»². Необходима забота о материальных условиях свободы. Без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком. Именно во имя охраны свободы должно заботиться о праве каждого на достойное человеческое существование. Сам факт признания данного права за каждым имеет огромное значение, т. к. особенно морально угнетает и удручает сознание беззащитности и беспомощности в жизненной борьбе. **Законодательно признать принцип**

¹ Нейсбит Д. Мегатренды М., 2003. – С. 228

² Новгородцев П.И. О праве на достойное существование. СПб., 1911. С. 5.

поддержки всех слабых и беззащитных – это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит закон. Но одного провозглашения данного принципа недостаточно. Для того чтобы этот принцип не остался только нравственным пожеланием, необходимо, чтобы из него вытекали конкретные юридические действия.

Так, в частности, бедность (нищета) уже давно не представляется естественным событием, зависящим от сил и явлений, человеческой воле не подчиненных. Нравственное сознание утверждает, что такое униженное состояние можно предотвратить. К осознанию возможности присоединяется осознание долженствования: **должно предотвратить**. Нищенское существование человека в сытом обществе представляется не просто несчастьем, а и грехом такого общества, неисполнением лежащего на нем долга. Чувство стыда и возмущения создается смутным сознанием вины перед таким существованием конкретного человека. Если никто лично не виноват – то виноваты все вместе.

Нравственное сознание протестует против «общей индифферентности и ставит нам в вину отсутствие среди нас чего-то, что должно было бы гарантировать невозможность»¹ подобного. *Оно винит все общество в неисполнении социального долга*. Но общество как целое *не может иметь нравственных обязанностей*, носителем которых может быть только каждый конкретный человек. Неисполнение общественного долга есть порок *в организации общества*, который означает, что хотя нравственно признается обязанность государства, но соответствующее этой обязанности право на существование впавшего в нищету конкретного частного лица не только практически не признано, но и не реализовано. В таком случае на государстве лежит лишь весьма неопределенная и абстрактная обязанность «спасать общество от нищеты», но конкретное отдельное лицо не обладает конкретным, законодательно установленным правом «быть спасенным и избавленным от нищеты». Это ведет к разрыву между правами конкретного индивида и обязанностью государства (государственных институтов) материально обеспечить осуществление таких прав. В результате общественная поддержка вытекает из соображений общественного долга, из государственного интереса, а не из интереса к данному конкретному человеку.

¹ Покровский И.А. Право на существование. СПб., 1911. – С. 20.

Многие соображения вынуждают государство взять на себя ответственность за «спасение людей». Но среди этих соображений нет места одному – мысли о самом нищенствующем человеке, о его жизни, о его личности. *Если материально бедствующий конкретный человек, так или иначе, не угрожал бы «общественному благу» и «государственному интересу», то государство вовсе не думало бы о нем.* Такая государственная позиция означает, что царит и действует не *принцип права, а принцип милости и милостыни.* Призрение и обеспечение материально нуждающихся рассматривается не как исполнение лежащего на государстве *долга, а как государственная благотворительность.*

Благотворительный подход проявляется в том, что расходы, необходимые на социальное обеспечение и призрение нуждающихся, по существу определяются не размером действительной нужды, **а состоянием финансов.** Тогда как **государство должно стремиться к тому, чтобы расходовать столько, сколько требуется на приемлемое в конкретной ситуации выполнение неотъемлемых объективно необходимых прав всех нуждающихся и каждого на достойное существование.** Это не апелляция к милости и благодати государства, а подлинное право каждого, в том числе право на достойную жизнь.

Право на существование, которое должно быть признано государством, обычно понимается в смысле обеспечения необходимых, не ниже *минимальной потребности,* условий существования. Эти потребности, являясь основой права на существование, носят объективный характер и должны служить мерилom при распределении. Право на существование рассматривается не как некий идеал, а лишь как *minimum* того, что государство в текущий момент должно обеспечить нуждающемуся человеку.

Установление общепризнанного уровня таких условий существования не составляет особой трудности. Гарантию обеспечения общепризнанного уровня и должно взять на себя государство. Такие расходы должны рассматриваться как обязательные.

Право на существование вытекает из взаимной обусловленности отдельных существований, которое составляет непременную черту всякого культурного и справедливого общества. Опасения, что признание такого права на существование может привести к поощрению лени, вызовет резкий рост численности лиц, финансовым бременем лежащих на

государстве, и, в конце концов, к духовной деморализации и к экономическому разорению народа, неубедительны и необоснованны.

Устанавливаемый определенный уровень материального обеспечения нуждающихся должен быть ниже того, что получает полноценный работник, поскольку сохраняет свое значение стимул благодаря личным усилиям улучшить свое существование. Право на существование можно определить как право каждого члена общества на конкретные услуги, необходимые для поддержания его существования. В частности, для безработного, это – право требовать от государства обеспечения необходимых условий существования, пока не будет найдена или предложена работа.

Во многих странах социальное развитие неуклонно и последовательно двигалось и движется в направлении не только признания права на достойное существование, но и формирования и развития механизмов и институтов реализации этого права каждого. Эти социальные устремления постоянно подвергаются испытаниям.

С одной стороны, государственные возможности проведения в жизнь права на существование ограничены, а с другой стороны, требования полного осуществления права на существование ведут к революционным изменениям. Право на достойное существование не просто «принципиальная» декларация, а имеет непосредственное практическое значение, закрепленное нормами международного права.

Так основные цели, направленные на достижение соблюдения социально-экономических прав трудящихся, закреплены в базовых конвенциях и рекомендациях Международной организации труда, Европейской конвенцией по защите прав человека в социальной сфере, Европейской социальной хартией.

В апреле 1996 года Комитет Министров Совета Европы одобрил новую редакцию, утвердив «Пересмотренную Европейскую социальную Хартию», которая была подписана в Страсбурге 3 мая 1996 г. и вступила в силу 1 июля 1999 г. после ратификации ее первыми четырьмя государствами.

Пересмотренная Европейская социальная хартия ратифицирована государствами-членами Совета Европы. Пересмотренная Европейская социальная хартия подписана от имени Российской Федерации в Страсбурге 14 сентября 2000 г.

Основные группы прав, закрепленных в Хартии, включают следующие:

- право на труд, безопасные условия труда,

- право на защиту своих трудовых прав,
- специальная защита отдельных категорий трудящихся и отдельных категорий граждан вообще (дети, молодежь, матери, семья, инвалиды, мигранты, пожилые),
- социальная защита всех категорий граждан (охрана здоровья, социальное обеспечение и помощь, медицинская помощь, получение услуг от социальных служб, защита от бедности и социального отторжения, право на адекватное жилье).

Предусмотрена система подачи коллективных жалоб на нарушения в органы, контролирующие выполнение положений Хартии.

Контроль выполнения положений Хартии осуществляет Секретариат Европейской социальной хартии.

Вступая в Совет Европы, Российская Федерация обязалась ратифицировать Европейскую социальную хартию и со времени вступления осуществлять национальную политику в соответствии с закрепленными в ней принципами. Хартия ратифицирована Российской Федерацией в 2009 году¹.

Европейская социальная хартия – важнейший правозащитный договор, равнозначный Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Россией в 1998 году.

Присоединение к Хартии служит политическим и правовым ориентиром развития России как социального государства, усиливает ответственность государства за уровень жизни и социальную защищенность граждан. Присоединение к этому документу обязывает не только закрепить соответствующие нормы в национальном законодательстве, но и обеспечить их практическую реализацию.

После ратификации Европейская социальная хартия стала частью российской правовой системы. Судебная защита гарантированных Хартией прав приобрела особую значимость. Статьей 30 Хартии предусматриваются государственные меры защиты от бедности и социального ostrакизма.

В преамбуле Европейской социальной хартии говорится, что договаривающиеся стороны в своей политике, которая будет осуществляться всеми надлежащими средствами как национального, так и международного характера, преследуют цель *создания условий*, при которых можно эффективно осуществлять, в том числе, право трудящиеся и их иждивенцев на социальное обеспечение.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ "О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года"

В статье 12 Хартии раскрывается, что в целях эффективного осуществления права на социальное обеспечение, Договаривающиеся стороны обязуются:

1. Создать или продолжать использовать систему социального обеспечения;

2. Поддерживать систему социального обеспечения на удовлетворительном уровне, по крайней мере, на уровне, не ниже установленного Международной конвенцией (№ 102) о минимальных нормах социального обеспечения;

3. Постепенно довести систему социального обеспечения до более высокого уровня;

4. Заключая соответствующие двусторонние и многосторонние соглашения, другими средствами, при соблюдении условий, изложенных в этих соглашениях, принимать меры к тому, чтобы обеспечить:

а) одинаковый режим для своих граждан и граждан других договаривающихся сторон в отношении прав на социальное обеспечение, включая сохранение законодательно предоставляемых льгот в области социального обеспечения;

б) предоставление, сохранение и возобновление права на социальное обеспечение такими средствами, как суммирование периодов страхования или рабочего стажа.

Основные цели, на достижение которых направлены системы пенсионного обеспечения, закреплены в базовых конвенциях и рекомендациях Международной организации труда, в частности, в Рекомендациях № 67 (1944 г.), Конвенции № 102 (1952 г.), Конвенции № 128 и Рекомендациях № 131 (1967 г.). Эти цели, как уже отмечалось, были восприняты и развиты в Европейской социальной хартии.

Статья 23 Европейской социальной хартии «Право лиц пожилого возраста на социальную защиту» требует от государств-участников обеспечить пожилым людям достаточно средств, **«позволяющих им вести достойную жизнь и играть активную роль в государственной, общественной и культурной жизни».**

Данное положение подразумевает, что пенсия должна обеспечить не просто минимальные потребности, а сложившийся в период трудовой деятельности уровень и качество жизни.

Минимальные стандарты и количественные параметры компенсации утраченного заработка в рамках пенсионных систем, достижение которых необходимо для ратификации Европейской социальной хартии, закреплены в Европейском кодексе социального обеспечения и пересмотренном Европейском кодексе социального обеспечения, содержащем повышенные стандарты.

Одним из важнейших критериев является показатель коэффициента замещения предпенсионного заработка. Показатель среднего коэффициента замещения характеризует относительный уровень пенсионного обеспечения. Международные стандарты определяют коэффициент замещения не в среднем по экономике, а для так называемых «типичных получателей пенсий», которыми соблюдены установленные стажевые условия и которые получают «типичную» заработную плату. В качестве типичного получателя обычно рассматривается квалифицированный рабочий (мужчина).

В соответствии с Европейским кодексом социального обеспечения (1964 г.), размер пенсии «типичного получателя» пенсии, не имеющего иждивенцев, должен составлять не менее 40% предпенсионного заработка после 30 лет страхового стажа.

Пересмотренный Европейский кодекс социального обеспечения предусматривает компенсацию не менее 50% заработка при наличии 40-летнего стажа, а размер пенсии «типичного получателя», имеющего иждивенцев – не менее 65% заработка¹.

Соблюдаются ли права пенсионеров на достойную жизнь, достаточно ли ресурсов для приближения пенсий к международным стандартам, и содействует ли принятая Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года² и изменения пенсионного законодательства такому приближению пенсий к международным стандартам? Ответы на эти вопросы должны будут определять перспективные меры государственной социальной политики.

¹ Эченикэ Е.В. Российская пенсионная система и Европейская социальная хартия //Актуальные проблемы совершенствования пенсионного законодательства в Российской Федерации (к вопросу о пенсионной реформе). Аналитический вестник Совета Федерации. М., 2002, № 33. – С. 74.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 2524-р.